

О СООТНОШЕНИИ НАУЧНОЙ И РЕЛИГИОЗНОЙ ИСТИН

1

Ученые преобразователи естествознания издревле пребывают в неустанном поиске истины о мире, универсальной на все времена. Жажда знания о прошлом и будущем руководила и ныне руководит ими, ибо необходимо уму безбоязненно ориентироваться в дольном. Сила, данная свыше, влечет взор ума от земли в неведомые области. Но мир вокруг и внутри нас неизменно тот же. И все уже сказано о нем древними. К счастью, мы обладаем обильной речью — и всегда находятся особые слова, формы для высказывания. И кажется, что перед нами не старые как мир мысли о нем, а нечто новое. Рамки современных слов позволяют иначе взглянуть на проблему, обнаружить в ней прежде не уловленное умом и чувством.

В человеческой общности во всякое время действуют одновременно религиозные воззрения и научные предположения о начале и завершении бытия. Наука и религия то помогают друг другу, то расходятся и враждуют. Это зависит от идеологов, ищущих себе в том выгоды. Каждому сословию созвучна та или иная, и не обязательно одна, теория, разработанная учеными. Как это ни странно, единственно верный путь неприемлем для общности: едва ли не все слои населения поднимаются на борьбу за право множественности суждений, взглядов на бытие мира. И даже те, кому выгоден «узкий путь», путь, которым только и можно войти в Царство благодати, оказываются в состоянии лишь внешнего верования в идею, на деле же — в лицемерии.

Где объективная истина, в чем она, какова по своей сути, кто нуждается в ней? Не только же одержимые страстью познания страдальцы всех времен и народов, призванные искать, зарывшись в слова и формулы. Они жертвуют временем и силами в надежде коснуться света тайны, приоткрыть для себя завесу тьмы, хаоса и постичь нечто в мире дольном. На самом же деле люди накрепко привязаны к земному: тончайшая прозрачная ткань жизни, покрывающая планету, удерживает нас. Здесь — родные воды рек и озер, питающие почву, родные лу-

чи согревающего солнца, родной воздух, которым все дышит. И нигде более мы не нужны, нас нигде не ждут. Все за границами земного пространства убийственно, ядовито для здешних плодов. Мы еще никуда не шагнули с помощью ракет, приборов, брошенных на Луну, на ближайšie планеты, в сторону Солнца или иных звезд.

Если мы и узнаем что-то *новое* в рамках физики, химии, биологии, астрономии, то все это — о себе и своей планете. Мир остается закрытым, неведомым. Но в этой хрупкой и тонкой сфере живого людьми накоплено чрезмерное обилие техники, снарядов, мусора и ядов, и мы способны своими же руками погубить жизнь Земли. Оболочка будет порвана, лавина солнечного пламени ринется к почве и пожжет все и навсегда, иссушит океанские воды. И планета станет подобной Луне.

Что есть бесконечность мира, что есть искривление пространства Вселенной, что есть параллельные миры, что могут значить выражения «мир иной», «Царствие Небесное»? Выясняется, что последнее — понятие рая, и такое состояние достижимо человеком на земле, так что «Царствие Божие внутрь вас есть» (Лк. 17:21).

И здесь я должен коснуться текста Благой вести: что же она говорит об истине? Мир создан Логосом-Богом, сотворен Им в шесть дней. Последним на планете Бог создал человека: «мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1:27). Он избрал людей для Себя, особо выделил из всего прочего в мироздании: «и благословил их Бог, и сказал: обладайте землею, владейте» (Быт. 1:28). Но совершилось грехопадение первой человеческой пары, они ослушались Бога-Отца, что означает: отвернулись от Него, чтобы жить своей волей и быть свободными от воли Его. С того дня зло вошло в мир, и полнится планета злом до сей поры. И утверждает Логос-Бог: если было заложено *начало*, то совершится и «кончина века» сего. Земной мир должен до отказа наполниться людским злом, после чего будет очищение пламенем небесным. «Огонь пришел Я низвесть на землю, и как желал бы, чтобы он уже возгорелся!» (Лк. 12:49). Таким образом, согласно вести религиозной, мир сей должен погибнуть в пламени. И это не расходитс с одной из теорий, говорящих о том, что Солнце взорвется и поглотит все планеты огнем. В Солнечной системе через 500 млн лет произойдет «гелиевая вспышка», затем на месте Солнца останется «черный мертвый шар». Таков *конец света*.

Но Бог обещает «мир иной», новую землю под новым небом, куда войдут праведники, избранные Высшим Судией. И Царству Бога не будет конца, и там всегда светло и справедливо: «оно не имеет нужды

ни в солнце, ни в луне для освещения своего; ибо слава Божия осветила его, и светильник его — Агнец» (Откр. 21:23). Возможно, многих устраивает невольню вошедшая в сознание религиозная истина о мире. И верующие в Спасителя, ждущие второго Его пришествия полагаются на благодать Бога, на всепрощение Его, ибо милостив Он к плодам Своим. А Он избрал людей и дал им наитруднейшее испытание земным существованием, где хаос, мрак, ложь, торг, хитрость, лицемерие. Ап. Павел высказывает эту надежду: «Говорю же вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся. Вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы — изменимся» (1 Кор. 15:51). Так что верующие полагаются не на исправление своей порочной природы (их совершенствование оборачивается тяжелой неврастенией), а только на особую любовь Бога к избранным плодам Своим. Человека не исправляют ни жесткий закон, ни даже страх перед всевидением Господа-Судии. Он повторяет непослушание Адама, словно младенец, до сего дня: ищет себе защиты, оправдания, готов всех обвинить, очернить все вокруг, лишь бы себя выгородить и явить в наряде непорочности.

Каждый из нас всегда и всюду прав в своих глазах, сам навешивает ярлыки и ценники на события мира, наше мнение безупречно, хотя оно-то нередко оказывается невольным отражением средств массовой информации. Мы существуем совместно, зависим один от другого; речь (а ее основное содержание — сплетня, торг) сводит нас в единый организм, общность. И с истиной мы в большинстве своем как-то не сталкиваемся, она остается предметом ученых кабинетов. Так что обыватели, как правило, не нуждаются ни в теориях, ни в гипотезах, ни даже в религиозных сказках. Для многих людей существуют программы, развлекающие ум, волнующие их чувства, одаривающие мягкими и жесткими впечатлениями: фильмы, газеты, популярные песни, детективы. Но все же где-то подспудно, независимо от желания действуют вся прежняя история, прошлое, традиции. И некое вечное вещество памяти обязывает поступать иной раз так, а не по-другому; это наитончайшее вещество древней вести ориентирует людей и привязывает к роду — да так, что слышен в нем голос Бога-Творца: «не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих» (Мф. 4:4).

Не здесь ли крупница объективной истины, действующей в каждом сердце людском? В сердцевине существа — ум, слушающий всякую частичку цельного тела, ибо все в нем пронизано первной тканью, доносящей до сердца весть о боли. Боль есть ощущение жизни. Ум —

это тоже сгусток боли, и память, которую храним и умножаем, — болевые вмятины в нервно-веществе плоти. Следует бесстрашно взирать на боль, на болезнь, которая звучит смертью, ибо надо перенести и это тоже, переступить через наибольшее из зол мира — через смерть тела, чтобы войти в странное согласие с бытием вечным. Идея проста и давно открыта: необходимо должно совершиться очищение сердца, возвышение ума, преобразование наитончайшего вещества изначальной памяти, чтобы состоялось сроднение его с миром иным, пребывающим вне земного. Вселенная неведома нам, но должен же быть некий узкий путь в ее чудесные пространства. Гибель тленного, здешнего тела — не завершение жизни, которая не имела начала и не может потому закончиться, но, несомненно, наш жаждущий истины ум вправе получить просимое и открыть для себя космические тайны, принять в сердцевину жизни искру Божьей любви. Господь говорит: «Они не от мира (сего), как и Я не от мира. (Отче), освяти их истиною Твоею: слово Твое есть истина» (Ин. 17:16, 17). Так что указан же нам путь из мира данного в некую область блаженства, «в землю обетованную». Нет пределов у мира.

2

Верный матери девяти муз Мнемосине, богине — покровительнице наук, памяти, искусств, поэзии, исследователь никогда не удовлетворится добытым знанием, он, подобно музыканту-виртуозу, будет надеяться, что завтра сыграет на скрипке еще лучше и выразит себя во всей полноте искреннего чувства, ибо предела совершенству нет. Сколько бы ученый ни убеждал себя, что все настоящее уже сказано и объективная истина сокрыта от человеческого ума (о том же говорил Платон: истина есть вечно неизменное и абсолютное свойство идеальных объектов, а позднейшие исследователи лишь интерпретировали его идею, уточняли, играли ею, чтобы и себя показать рядом с учителем), ум не пожелает удовлетвориться познанным и остыть. Естествоиспытателю необходимо идти далее: он — странник и страдалец. Проблемы науки увлекают, исследователь живет ими, и они одаривают счастьем открытия. «Быть может, я не совершил подвиг, ничего не изменил в мире, но себя я узнал полнее, для себя обнаружил луч маяка, и отныне мне идти легче, свободнее, проще, ибо сброшены оковы незнания», — так он беседует со своим сердцем.

Понимание истины как соответствия знания вещам, событиям восходит еще к временам Аристотеля. Человеку требовалось адекват-

ное отражение объекта, воспроизведение его таким, каким он существует вне и независимо от познающего его человека. Истина необходимо должна быть объективной. По Гегелю, истина есть диалектический процесс наполнения знания, или система понятий, суждений и теорий. Таким образом, здесь нет места раз и навсегда высказанной Богом истине, хотя говорит Господь: «Я есмь Путь, и Истина, и Жизнь; никто не приходит к Отцу, как только чрез Меня» (Ин. 14:6). Да, путь к истине есть, но всякий человек по-своему продвигается к ней, если сердце нуждается в свете истины. Истина — в Боге, ибо Он является полной идеалов, наработанных культурой рода от неведомых начал истории человечества. В Боге искусственное достигает своего совершенства, а потому Он — нераздельное единство живого и искусственного. Не имея перед внутренним взором особого образца жизни и любви, человек пребывает в хаосе, мраке, суете. И каждый шаг его — бессмыслен, мертв, ибо люди живы только в Боге как Источнике света, Источнике всех благ земных. Такова истина о Творце. Немало род людской и священство потрудились над пестованием совершенного Образа, чтобы почти каждый склонен был принять идею: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его» (Быт. 1:27). По сути, людям предложено существовать в сказке, быть сказкой, распространять ее непрерывно от поколения к поколению, чтобы все народы полнили свои сердца оптимизмом неперемного «обожепия» человека. Все «вы боги», ибо вы — дети Его: «вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы» (Пс. 81:6). Нам, наследующим иудаизм в его христианской форме, хочется стать богами, соделаться детьми единого Творца мира и занять «лице Его», уподобиться Богу совершенному — по благодати Его. Понятно, что нет в людях силы для очищения ума от зла, порока, уродства, самолюбования. Но любящий плоды Свои — прощает детям всё.

Да, этот сказ чудесен, лучшего жрецы создать не могли и донине, он вселяет в сердца верующих радость надежды. Несчастливым хочется справедливости, воздаяния злым за нанесенные обиды, унижения, хочется счастливой спокойной жизни: не здесь — так там. Но если бы род и его индивиды изменялись ко благу, тогда присутствие Благой вестии как ориентира дальнейшего существования человечества *было бы оправдано*. Однако вот уже 2 тыс. лет теория «конца света» отложена до лучших времен, а волны войн катятся по планете. И они всё более бессмысленны и жестоки, как и ведшиеся иудеями при овладении «обетованной землею». Войны людские не очищают род, наоборот, они вытесняют здоровое, правдивое. Уродливого, страдающего

становится все больше на земле: возможно, вскоре *некому* будет соблезновать несчастным, жалеть их, помогать им. Насилие в христианскую эпоху лишь обострилось...

Породнение человечества с Богом, возможно, изначально имело целью психическое отделение рода людского от царства животных, но разве же незаслуженная похвала улучшает и возвышает породу? Разве искусственное действие облагораживает? От века к веку в людях вскармливается гордость, мол, они — венец и торжество мироздания, а потому человеку дозволено многое, к примеру безнаказанно убивать зверей, рушить живое в себе и вокруг, превращая свой путь в свалку сора, помойку. Земля же все погубленное людьми, мол, очистит, обновит, возродит, ибо стихия ее всемогуща, — этой мыслью успокаивают люди остатки своей совести. Мы же видим в таком неумеренном возвышении человека, в его «избранности Богом» только зло.

Адам ослушался и был изгнан из рая, зато Авраам оказался до конца послушным, верным Богу и потому был избран он и все племя его, названное «Божьим народом». Так что до сего дня иудеи убеждены в своей избранности. Корнем христианства принято считать иудаизм; однако не будь расцвета древнегреческой науки и философии, увенчавшейся неоплатонизмом, не явилась бы на древе иудаизма свежая ветвь христианского благовестия. Она напиталась греческими водами и солнечным теплом. «Мало-помалу иудаизм выделяет из себя несовместимое с ним христианство, — пишет Ф. Ф. Зелинский, — гибнут христианские общины в Палестине, а в рассеянии новое учение из ядра иудейских общин переходит в окружающие кольца прозелитов и дальше, и дальше в “языческий мир”, которому оно было гораздо более сродни. Результатом этого перехода был плодотворный процесс, сущность и значение которого прояснила недавняя работа — эллинизация христианства»¹.

Здесь мы осмеливаемся поставить точку, ибо о влиянии Благой вести на умы народов сказано достаточно. Господь, покидая учеников Своих в Галилее, напутствовал их пред вознесением Своим на небеса: «Итак, идите, просветите все народы, уча их соблюдать все то, что Я повелел вам; и се, Я незримо с вами во все дни до скончания века. Аминь» (Мф. 28:20).

¹ Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия. Киев, 1993. С. 121.